

УДК 94(430)
DOI 10.52452/19931778_2021_5_28

**НИЖЕГОРОДСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1806–1807 гг.:
ОРГАНИЗАЦИЯ, ВООРУЖЕНИЕ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И РОСПУСК
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)
Статья первая**

© 2021 г.

Д.А. Николаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

dmnikolaeff@mail.ru

Поступила в редакцию 03.09.2021

Рассматриваются вопросы формирования нижегородского ополчения 1806–1807 гг. Анализируются характер и особенности организационного процесса сбора ополчения. Охарактеризован процесс вооружения ополчения. На основе источников из фондов Центрального архива Нижегородской области выявлены и охарактеризованы особенности и формы оргштатных изменений структуры ополчения в 1806–1807 гг.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, нижегородское ополчение 1806–1807 гг., земская милиция, наполеоновские войны, офицерский состав, военные и гражданские чины, обеспечение, пожертвования.

Введение

Государственное ополчение 1806–1807 гг. стало самым первым и одним из самых массовых (612 тыс. человек) за более чем столетнюю историю существования ополчений в Российской империи. Как правило, феномен ополченческого движения как такового часто рассматривается в истории сквозь призму народного подвига, исключительного порыва народных масс для защиты Отечества и высоких патриотических устремлений, что было обусловлено своеобразием формирования и «ретрансляции» исторической памяти о 1612 г. К началу XIX в. фигуры Минина и Пожарского заняли почетные места в пантеоне национальных героев России, но собственно ополченская «идея» получила новое осмысление в кругах высшей государственной власти: «новое» ополчение уже не должно было быть символом «низового» патриотического движения, а должно стать объектом государственного военно-мобилизационного планирования, дополнительным стратегическим резервом «на самый крайний случай». Впервые за долгое время в российской армии, помимо регулярных и иррегулярных частей, создавалось «временное» войско на период военных действий, составленное из «ратников» десятков губерний страны.

На фоне огромного количества трудов, посвященных событиям 1812 г., историография событий 1806–1807 гг. (сбор и действия губернских ополчений Российской империи) выглядит не слишком впечатляющей. В первую очередь стоит отметить труды общего характера (где,

частично, рассматривались вопросы формирования ополчения 1806 г.), начавшие появляться в XIX в. и составленные специалистами военного ведомства [1], участниками событий той поры [2]; труды к ведомственным юбилеям [3] либо к столетним юбилеям как таковым [4]. Некоторое преемство исторического освещения этих проблем выразилось и в жанровых особенностях многих повествований, определенных как «исторические очерки» [5]. События 1806–1807 гг. не получили «особый», отдельный, по предмету исследования, историографический статус и в советское время и по-прежнему освещались в контексте более общих и масштабных военно-политических проблем в монографии [6] и статье [7] Б.Ф. Ливчака, труде Л.Г. Бескровного [8] и многих других работах.

С началом масштабных общественно-политических перемен в нашей стране в конце 80-х гг. XX в. – начале XXI в. в трудах В.А. Корнилова (давшего характеристику русской армии как в первой [9], так и во второй половине XIX в. [10]), С.В. Шведова [11], В.М. Безотосного [12] и др. был дан новый импульс исследованиям по истории комплектования и в целом истории развития отечественных вооруженных сил. Постепенно тематика ополчения 1806–1807 гг. стала освещаться более заметным образом и активнее выходить на уровень самостоятельного предмета изучения – например, в работах В.П. Акуленко [13] и Т.А. Таннберга (опубликовавшего тексты со схожим содержанием и с одинаковым названием в двух разных изданиях [14; 15]). В 2005 г. в работе С.Ю. Окунева [16], посвященной государственному

ополчению в России в целом, была дана оценка и «ополченского феномена» 1806–1807 гг., положившего начало растянувшейся более чем на столетие «ополченской» эпохе.

На региональном уровне тема земской милиции 1806–1807 гг., как объект и предмет научного интереса, начала рассматриваться с 70-х гг. XX в. (в статье К.П. Шовунова [17]). В начале XXI в. и в наши дни из историографических тенденций можно, с одной стороны, отметить полное отсутствие исследований по подобной проблематике во многих «ополченских» когда-то регионах, а с другой стороны, выделить вполне сложившиеся «этнорегиональные» направления по данной теме, а именно в области изучения калмыцких формирований (В.М. Мацакова [18], А.В. Очиров [19]), башкирских конных полков (В.В. Титов [20], С. Асфатуллин [21], В.А. Кузнецов [22]) и нагайбацких (А.Г. Тептеев [23]) иррегулярных подразделений, формировавшихся параллельно с созданием ополчения. Т.А. Таннберг рассмотрел вопрос об ополчениях 1806–1807 гг. в прибалтийских губерниях [24]. Проблемы же формирования и действий ополчений на великорусских территориях в наибольшей степени изучены по губерниям Воронежской (Е.А. Шамрина [25], С.Р. Демидов [26]) и Вятской (Э.А. Цеглеев [27] (ополчение Вятской губернии в целом), [28] (процессы расформирования ополчения), [29] (материальное обеспечение ополчения), М.А. Хомяков [30], Д.С. Селякова [31]); «дворянский фактор» в со-зидании ополчения как Пензенской губернии [32], так и средневожских ополчений [33] получил освещение в трудах С.В. Першина.

Впервые в краевой (нижегородской) историографии некоторые проблемы формирования и действий нижегородской земской милиции в 1806–1807 гг. были освещены в статье А.Н. Лушина, который так же, как и многие авторы указанных выше статей по схожей региональной проблематике, помимо общей характеристики местных особенностей сбора ополчения отметил тот неоспоримый факт, что «опыт эффективного формирования, комплектования, оснащения и первоначальной военной подготовки земской милиции, приобретенный губернскими государственными и дворянскими органами, сыграл важную роль в 1812 году, когда нижегородское народное ополчение было собрано в установленные сроки и достаточным образом в плане вооружения и походного снаряжения оснащено» [34, с. 74].

Масштабные мероприятия по организации, сбору, обеспечению и действиям нижегородского ополчения получили отражение в весомых комплексах законодательно-нормативной и

делопроизводственной документации [35]. К комплексу законодательно-нормативной документации, исходящей от высшей власти и касающейся указанных вопросов, следует отнести манифест Александра I о сборе народного ополчения [36, с. 894]; инструкцию «Главномандующим земским войском» [37, с. 943]; указы о создании из ратников земского войска отдельных стрелковых батальонов [38, с. 1039–1040]; о создании «подвижной милиции» [39, с. 1050]; о регламентации принятия в ополчение людей «духовного звания» [40, с. 1160]; о прекращении деятельности земского войска [41, с. 1291–1293]; «наставление» военным приемщикам [42, с. 1332–1333]; «определения» губернского и уездных дворянских собраний, регламентирующих, согласно царскому манифесту и циркулярным распоряжениям представителей высшей военной и гражданской администрации, порядок сбора и обеспечения ополчения. Важное значение в общем комплексе нормативной документации имеет так называемая «Общая инструкция для VII (ополченской. – Д.Н.) области», согласно которой осуществлялось общее руководство сбором и военным обучением ополчения.

Материалами официального делопроизводства, непосредственно относящимися к процессам организации и сбора ополчения, являются переписка должностных лиц (губернатора, начальников милиции, уездных предводителей дворянства и пр.) по этим вопросам [43]; переписка с нижними уездными земскими судами; выписки из журналов заседаний «Комитета для главного производства дел по милициям»; ведомости по штатным жалованьям; донесения земских исправников; ведомости об оружии и амуниции и пр.

Среди многочисленных разновидностей делопроизводственной документации, посвященной продовольственному и вещевому снабжению ополчения, следует выделить обширную переписку многочисленных должностных лиц по вопросам «о доставлении образцов одежды» (для ратников ополчения); о «скорейшей сдаче недоимочных по ополчению вещей»; о разного рода чрезвычайных происшествиях и непредвиденных обстоятельствах, возникших в ходе сбора необходимых припасов.

Весьма значимой разновидностью материалов официального делопроизводства по вопросам материального обеспечения ополчения являются доклады, рапорты и отчеты провиантских чиновников («комиссаров»), назначенных из дворянской среды для выполнения функций продовольственного снабжения, содержащие конкретные цифры продовольственно-фураж-

ных запасов и даты выдачи их по подразделениям, а также периодическую поверочную отчетность обо всем объеме ресурсов (запасенных и израсходованных), которые находились в их ведении. Кроме того, каждый «комиссар» вел отчетность приема провианта с мест, от помещиков, либо фиксировал эти сведения в ходе транзитного перемещения запасов.

Обеспечение ополчений всем необходимым велось в строгом соответствии с численностью личного состава ополченских частей в конкретных подразделениях. Прием ратников в ополчение и, соответственно, первоначальное их снабжение амуницией и провиантом находились под контролем уездных предводителей дворянства, совместно с назначенными командирами подразделений милиции составлявших свои рапорты руководству, губернскому и милицейскому, в которых порой также присутствовали сведения об обмундировании и продовольственном обеспечении призванных [44].

Кроме того, к числу необходимой отчетной документации, содержащей информацию по материальному обеспечению, нужно отнести многочисленные ведомости, исходящие от должностных лиц ополчения, гражданской и военной администрации и касающиеся практически всех аспектов продовольственного и вещевого обеспечения; списки «отдатчиков» (помещиков) по некоторым уездам, как исполнивших свои обязательства по снаряжению своих крепостных (при отдаче их в ратники ополчения), так и имеющих недоимки по снабжению необходимыми припасами. Указанный комплекс документов позволяет достаточно эффективно решать научные задачи по изучению проблем бытования ополчения. Целью же данной работы являются выявление конкретных военно-административных результатов и обобщение историко-практического опыта, полученных в ходе организации, сбора, военного обучения, характера действий и материального обеспечения нижегородского ополчения 1806–1807 гг.

Манифест от 30 ноября 1806 г. и первоначальные меры по созданию ополчения

Осенью 1806 г. образовалась очередная, 4-я по счету антинаполеоновская коалиция (в составе Англии, Пруссии, Швеции и России), но действия ее против Наполеона были не очень удачными: в октябре 1806 г. Пруссия потерпела тяжелые поражения, и ее территория была оккупирована, что напрямую угрожало границам Российской империи. В этих условиях, когда «соседняя сия держава, разделявшая от Фран-

ции западные границы Империи Всероссийской, лишилась средств к своей обороне», Александр I принял решение о мобилизации сил «на поражение злобствующего врага, который, в изданных им прокламациях, простирает дерзость свою столь далеко, что грозит явно вторжением в самые пределы Наши» [36, с. 894]. 30 ноября 1806 г. царь обратился к подданным с манифестом «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции».

Согласно манифесту, на территориях 31 губернии Российской империи создавалось 7 так называемых «областных войск» общей численностью 612 000 чел. Нижегородская губерния входила в VII областное войско (вместе с Вятской, Казанской, Костромской и Вологодской губерниями) и была обязана собрать, снарядить (в трехмесячный срок) и отправить на воинскую службу 16 500 ратников. Главнокомандующим (назначаемым «из особ, верностью, службою и достоинствами общественную доверенность приобретающих») над ополченской милицией VII области был назначен генерал-от-инфантерии князь Ю.В. Долгоруков. «В стороне» от формирования ополчений остались 19 губерний страны: 14 – ввиду их слишком большой географической удаленности, 5 – ввиду того, что они могли бы оказаться в зоне боевых действий.

Губернским начальником милиции, или «командующим в Нижегородской губернии земским войском», дворянство избрало генерал-лейтенанта И.С. Белавина, хорошо известного человека, который являлся ветераном русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в 1781–1796 годах был правителем Нижегородского наместничества. Для формирования и подготовки земской милиции на территории губернии были учреждены особые территориальные отделения. Первое отделение возглавил генерал-майор Е.Ф. Купрянов, второе отделение – генерал-лейтенант Н.О. Кутлубицкий, третье отделение – генерал-майор П.Б. Григорьев [34, с. 71].

В уездах Нижегородской губернии милиционные структуры возглавили местные дворяне, ранее служившие в армии. Начальником Нижегородской уездной милиции был избран генерал-майор О.И. фон Ребиндер, Сергачской – генерал-майор А.А. Соловцов, Княгининской – генерал-майор В.В. Баженов, Ардатовской – флота капитан 1-го ранга А.В. Бабушкин, Макарьевской – коллежский советник А.К. Шебуев, Горбатовской – Н.И. Бычков, Васильской – П.В. Чемоданов [34, с. 71]. В каждом уезде от дворянских собраний были избраны и «комиссары» земской милиции, которые занимались организацией продовольственного и фуражного снабжения, обеспечения всем необходимым

совместно с начальниками милиции и уездными земскими исправниками.

Тем же самым императорским манифестом определялось, что начальник губернской земской милиции и командный состав (тысячные, пятисотенные, сотенные и пятидесятные)¹ избираются на дворянских собраниях. Поскольку офицерский корпус ополчения формировался в значительной степени из отставных военных, то «повелено было носить (им. – *Д. Н.*) мундир части, где они служили, всем же прочим был присвоен мундир губернский, при военной шпаге или сабле, с темляком на перевязи, через плечо и шляпа с бантом и султаном, но потом всем был дан военного покроя мундир с воротником и обшлагами тех цветов, какие были присвоены губерньским мундирам» [1, с. 15].

Помещики должны были отобрать крепостных крестьян, могущих по состоянию здоровья нести военную службу. При этом каждый крестьянин вооружался и экипировался (не в военную форму, а в крестьянскую же одежду, но лучшего качества) за счет помещика, который также выдавал на каждого ратника трехмесячное жалованье в три рубля² и провианта на три же месяца. На время службы ратники освобождались от подушной и оброчной податей [45, л. 1]. Кроме того, помещики были обязаны сделать дополнительное «добровольное пожертвование» и с каждой «владеемой души» выплатить еще по 50 коп. «Градские общества» обязывались выставлять от мещанского населения ратников также с их полным материальным обеспечением; свободные люди могли вступать в земскую милицию добровольно. Был ограничен, по прошению Святейшего Синода (на имя императора), прием в милицию для лиц «духовного звания» и студентов духовных семинарий [40, с. 1160]; тем не менее такой весомый потенциальный мобилизационный ресурс не мог остаться без внимания и в дальнейшем по этому поводу были внесены уточнения: поскольку страта «церковно- и священнослужителей» была достаточно большой и не все, в ней состоящие, имели реальную востребованность в обществе, то при записи в ратники необходимо было произвести «разбор» как наличия/отсутствия места учебы или службы, так и индивидуальных поведенческих характеристик человека, особенно из категории «праздноживущих», «непорядочного поведения» [46, л. 1–2] и пр. В итоге, по сведениям, доставленным в военную коллегию от нижегородского губернского правления, «принятых на службу церковников» значилось 82 чел. [46, л. 2].

Учитывая затруднения, встретившиеся при обмундировании ратников, и в частности дефицит производства суконных тканей, нижегород-

ский губернатор обратился в «Комитет для главного производства дел по милициям» с просьбой оставлять фабричных работников суконного производства на своих рабочих местах [47, л. 119об]. Комитет «перевыполнил» эту просьбу, приняв во внимание то обстоятельство, что большая часть фабрик, особенно суконных, полотняных, кожевенных и железоделательных, «имеют обязанности с казной» и при отзыве с производства даже небольшого числа работников «могут быть поставлены в затруднение исполнить сии обязанности» [47, л. 119об], поскольку, как следовало из письменных просьб и объяснений некоторых фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии [47, л. 119об], их предприятиям, работающим по значительному числу заказов на оборону, придется сворачивать производственные мощности; учитывая, что «число ратников из заводских работников ... не может быть значительно», то таковых призывать, «не требуя на службу действительную, оставить до времени при фабриках» [47, л. 120–120об] в качестве необходимой для оборонных производств рабочей силы [47, л. 147], в том числе лиц, которые формально уже приписаны к «военной милицейской силе», находятся в ближайшем мобилизационном резерве и в случае необходимости «немедленно могут быть отправлены к их назначению» [47, л. 120об].

Канцелярией губернатора были направлены в уезды образцы ведомостей, согласно которым необходимо было указывать как общее количество «владельческих» крестьян, так и перечень поступающих в ополчение. Реестры дополнялись графами: «звание ведомств», «из каких кто селений», «какое оружие» (вручено ратникам владельцами. – *Д. Н.*), «женат, или нет» и пр. Впрочем, это не исключало и местное «документоведческое нормотворчество».

С начала–середины января 1807 г. уездные предводители дворянства и начальники уездных земских ополчений сообщали нижегородскому губернатору А.М. Руновскому о первоначальных (промежуточных) результатах сбора ратников по уездам. Хотя основной контингент ратников составляли помещичьи крестьяне, немалое количество ополченцев относилось к другим категориям населения. Согласно «Списку набираемых Балахнинского уезда с нижеозначенных казенных волостей в состав земской милиции ратникам», всего с казенных селений (только одного уезда) было отправлено в ополчение (к середине января 1807 г.) 176 чел. при 49 ружьях, 176 пиках и 3 саблях [48, л. 122]; позднее это количество увеличилось до 291 чел. [48, л. 122]. В документах канцелярии нижего-

родского губернатора имеется и список ратников (1041 чел.), зачисленных в земское войско от ведомства казанской удельной экспедиции, управляющей «приказами» по некоторым местностям Нижегородской губернии [49, л. 37–38]. В январе же 1807 г. нижегородский уездный предводитель дворянства П.А. Ленивец сообщил о сборе с уезда ратников, в количестве 1798 чел., из которых 1536 являлись крепостными крестьянами, 157 – крестьянами казенного ведомства, 94 – мещанами и 11 – ямщиками [49, л. 38].

Согласно рапорту нижегородского губернатора министру внутренних дел от 11 января 1807 г., набор ратников шел вполне успешно и «приготовление людей в милицию по 11 число сего генваря в семи округах, а именно: Семёновском, Балахнинском, Макарьевском, Васильском, Горбатовском, Ардатовском, Лукояновском совершенно кончено, кроме весьма малого недостатка в последних 3-х уездах; в прочих же 4-х округах: Нижегородском, Арзамасском, Сергачском, Княгининском составление сего войска производится с возможною деятельностью, и, хотя число следующих с них ратников по числу жителей в сих округах несравненно превосходит прочие, но, вероятно, и там по сие время уже кончено ... весьма малое количество ратников оставалось неприготовленным ... Ружей вместе с ратниками, сколько до сего времени известно, предоставлено до 2212; прочие же вооружены пиками, некоторые при том и саблями» [50, л. 5]. Следует отметить, что ввиду неудачного прогнозирования действий высшей власти и неправильной «просчитываемости» ситуации наперед, многие распоряжения и конкретные действия нижегородских властей, которые несколько опередили конкретные предписания «сверху», приходилось отменять и «переделывать наоборот»: например, большое количество заготовленного провианта и снаряжения еще до получения необходимых предписаний было свезено с мест на базы хранения в уездные города [50, л. 5], а затем (после того, как эти предписания не были получены) развезено обратно.

В рапорте также прозвучало весьма интересное примечание губернатора о «духе народа», который впервые оказался перед необходимостью осмысления событий именно ратнического (ополченческого), а не рекрутского призыва: «не могу умолчать пред Вами, что при таковой поспешности в изготовлении в милицию людей, неприметно стало ни малейшего участия в духе народа³. Кроткие меры при выборе ратников и ясные внушения чрез предводителей и земской полиции о настоящем предмете сего вооружения рассеяли совершенно вечное между крестья-

н сомнение и недоверчивость, так что в последствии времени не только не нужно стало ни малейшего побуждения к записке людей в милицию, но почти все избранные единодушно возымели желание идти немедленно на защиту Государя и поражение врагов Отечества» [50, л. 7].

По составлении списков ратников, подавляющее большинство их «распустили в дома, с истолкованием каждому, что (ратники. – Д.Н.) из казенных селений поступившие должны быть наравне с другими местному их начальству послушны, а (ратники. – Д.Н.) помещичьи в той же зависимости и повиновении обязаны находиться к помещикам и их начальникам и чтоб землю они пользовались и исправляли работы, как и прежде» [50, л. 56]. Помещикам и вотчинным управляющим были даны от милиционного начальства необходимые инструкции, «дабы каждый знал управление записанных в милицию людей и какие обязанности их есть по земскому и волостному начальству над ними» [50, л. 56]. Ответственность за наличие и сохранность милиционного оружия брали на себя сотенные начальники ополчения [50, л. 56].

Батальон земского ополчения (под командованием майора Подревского), сформированный в Нижнем Новгороде, получил название отборного батальона милиции. На вооружение 1798 ратников помещики Нижегородского уезда собрали и передали 241 ружье, 1557 пик, 105 сабель и 1 кинжал; мещанское городское общество передало ратникам 6 пик и 4 пистолета [34, с. 73].

Согласно предварительным данным «Рестра о поступившим вместе с запискою в милицию ратников по некоторым округам разного рода оружия», в котором приводились данные по 6 (из 11) уездам губернии, известно, что к началу 1807 г. в ополчение уже было зачислено 7087 ратников, собраны для их вооружения 3393 ружья, 5331 пика, 1313 сабель, 54 пистолета [49, л. 25]⁴.

5 февраля 1807 г., очевидно, в силу нехватки призванного контингента, вследствие «Высочайшего повеления» разрешалось «на перемену представляемых ратников» (на замену в процессе сбора ополчения. – Д.Н.) принимать людей уже иных возрастных пределов – от 17 до 50 лет [49, л. 99]. 14 февраля 1807 г. князь Долгоруков выразил свое неудовольствие Руновскому за, по его мнению, слишком медленный сбор ополчения и предложил «оное как можно (более. – Д.Н.) ускорить» [49, л. 95]; после этого послания в течение ближайших дней организационные мероприятия были завершены и 28 февраля 1807 г. Руновский доложил Долгорукову, что «по Нижегородской губернии назначение в милицию ратников совершенно по сие время окончено, которые и поступили в ве-

домство гг. уездных начальников в полном числе» [49, л. 96]. Список ратников земской милиции по уездам выглядел следующим образом: Нижегородский уезд – 1792 ополченца, Ардамовский уезд – 1459, Арзамасский уезд – 1770, Балахнинский уезд – 1474, Васильский уезд – 1179, Горбатовский уезд – 1368, Княгининский уезд – 1540, Лукояновский уезд – 2158, Макарьевский уезд – 1130, Семеновский уезд – 1073, Сергачский уезд – 1557 человек. Всего насчитывалось, строго по положенному «областному» расписанию, 16500 человек [49, л. 96]. Следует отметить, что успешный набор ратников в установленные сроки стал возможен не только благодаря действиям властей – административных и вотчинных: ратники фактически набирались «на бумаге», оставаясь, будучи записанными в ополчение, «в своих селениях» и выполняли прежние обязанности, изредка являясь (как правило, по воскресеньям) на военно-учебные сборы, без врачебного освидетельствования на пригодность к службе и при непостоянном военно-административном контроле.

Процесс вооружения нижегородского ополчения

Помимо вооружения, выданного ратникам помещиками и градскими обществами из того, что имелось в наличии, часть огнестрельного оружия изготавливалась под срочный заказ и ремонтировалась⁵, для чего требовались и были найдены «люди, кузнечное ремесло знающие», а также мастера, знакомые с оружейным делом [49, л. 17]. Помимо стандартного вооружения ружьями и пиками, часть ополченцев была вооружена еще и саблями, и выдвигались инициативы (например, со стороны васильского предводителя дворянства Демидова) о заказе больших партий именно сабель [49, л. 2] (за которые уже была внесена денежная предоплата), в частности на выксунском заводе Баташева. Но в ответ на это, во-первых, было «дано знать, что на заводе Баташева, кроме пик, никаких других орудий не делается, а потому обыватели и не должны надеяться на получение из оного означенного количества сабель» [49, л. 3]; во-вторых, губернатором было прямо указано, со ссылкой на переписку Руновского и Долгорукова, что «на вопрос мой (Руновского. – Д.Н.), вооружать ли ратников саблями сверх ружей и пик, (Долгоруков. – Д.Н.) изволил отозваться, чтоб ратники, по возможности, вооружены были ружьями, сколько их сможет отыскаться, а за недостатком – пиками и что за тем не находит прямой надобности в саблях ... заказывать их нарочно не нужно» [49, л. 3]. Руновский не раз

указывал уездным предводителям дворянства и командирам подразделений милиции, «что недостаток в оружии можно пополнить (именно. – Д.Н.) пиками, делаемыми на железоделательном заводе господина Баташева» [49, л. 58].

Действительно, выксунский «железоделательный завод» Баташева сыграл важную роль в вооружении ополчения; выявить полный спектр данных по этому вопросу не представляется возможным, поскольку в документах имеются лишь отрывочные сведения. Так, например, в конце января 1807 г., «управляющий служитель» завода М. Горностаев «донес» Руновскому об одном из эпизодов процесса вооружения, а именно «об отпуске для экономической Козинской волости ... 100 пик, за которыми прислан будет нарочный и заготовлении таковых же 5 сотен я получил (отношение. – Д.Н.) и ответствую: оные 100 пик у меня имеются в готовности и число 500 таковых же приготовлены будут вскорости» [49, л. 26].

Известно, что по роспуске ополчения часть его вооружения (та, которая не отправилась вместе с ополченцами-рекрутами во Владимирскую губернию) была оставлена в арсеналах и на складах в Нижнем Новгороде и некоторых уездных городах. Согласно циркуляру Руновского всем городничим, именно они принимали на себя ответственность за количество и комплектность оружия и должны были держать его «под своим сохранением впредь до востребованности» [49, л. 39–39об]. «Востребованность» эта наступила в 1812 г.: перечневые ведомости, или реестры оружия, которое собиралось для ополчения 1806 г. и не было роздано в действующие подразделения либо возвращено от них, зафиксировали точное количество «милиционного» оружия, хранившегося на складах в уездных городах, с оценкой пригодности его для использования в данный момент времени. Согласно «Ведомости о числе оружия, пожертвованного на милицию в Нижегородской губернии, с показанием мест, где оно хранится, и неисправностей, найденных в том оружии при описи оного», места хранения, количество и качество вооружения были следующими:

«В Нижнем Новгороде: единорогов медных 3; пушек мелкого калибра медных 6; ружей Павловского завода со штыками 638; к ним шомполов железных 608; охотничьих фузей разного калибра без шомполов 1967; стволов фузейных целых 62; стволов фузейных переломленных 8; турок разного калибра без шомполов 59; мушкатантов разного калибра без шомполов 13; стволов мушкатантных 2. В сих ружьях найдено неисправностей: штыков надломленных 11;

штыков переломленных 12; казенных шурупов переломленных 176.

Сверх того при оных вовсе не оказалось: штыков 5; при штыках закрепок 50; у штыков пружин с шурупами 75; верхних и нижних гаек 2898; в замках привертных шурупов 1690; хвостовых шурупов 470; верхних и нижних медных трубок 670; железных скобок 415; замков 217; змеек медных 351; от курков губок с шурупами 165; собачек с шурупами 815; курков 265; спусков 60; подточных шурупов 150; подтоков 190; огнив 80; подогнивных пружин 85; полок 40; подпускных личинок 135; подпускных скобок 294; курковых шурупов 125; казенных шурупов 25.

Сабель: на офицерский манер в кожаных ножнах с медною оправою 3; с разными клинками, железными эфесами в кожаных ножнах 622; с деревянными эфесами и кожаными ножнами 62; в том числе со спаянными полосами, сломанными; эфесами и дужками 45.

К саблям кожаных яловичных портупей 550.

К саблям вовсе не оказалось: наконечников медных и железных 13; колец железных 55; у эфесов ушков 26; дужек 2; бородок 2; гаек ножных средних 5; ушков колечных 28; гаек верхних медных и железных 6.

Пик с деревянными древками: разного калибра 1425.

Патронташей черной кожи только с одними гнездами 3.

Патронташей зеленого сафьяна с медными трубками 1.

Сум и с подсумками кожаными 191.

В Арзамасе: павловских ружей, кои по удостоверению городничего способными к употреблению быть не могут 1150; охотничьих ружей, пожертвованных г[осподином. – Д.Н.] Турчаниновым, способных к употреблению 18; сабель 25; шпаг, к употреблению неспособных 2; пистолетов, к употреблению неспособных 2; пик годных 1623.

В Ардатове: пистолетов, из которых у одного нет огнива, а другого ложа разбита 2; пик, из коих некоторые проржавели 843; сабель с ножнами ветхих 24; тесаков с ножнами и перевязами ветхих 13.

В Лукоянове: пик 2150; сабель 9; ножей 32.

В Сергаче: мушкатантов 2; ружей разного разбора худых без штыков 9; солдатских ружей худых со штыками 4; пистолет худой 1; сабель ветхих 7; палашей ветхих 3; кинжалов ветхих 4; лук с прибором ветхий 1; колчан с 24 стрелами 1; пик с древками 1514.

В Василе: пик плоских 932; пик троегранных 40; четверогранных 182; тесак с ножнами и темляком кожаным с черной портупеей 1.

В Княгинине: ружей разного калибра, к употреблению нимало неспособных и в самом худом состоянии по их ветхости и по недостатку разных принадлежащих к ним вещей 26; мушкатант в березовой ложе старой, в медной оправе к употреблению не годный 1; сабель самых ветхих в ножнах с железною оправою 2; пик 620.

В Макарье: ружей разного калибра самых ветхих 246; ружейных стволов самых же ветхих 67; изломанных штыков 4; пик с древками 148; пик изломанных 18; сабель разного калибра ветхих 43.

В Семенове: ружей 17, в числе коих годных только 3, а прочие 14 вовсе неисправны, как то: заржавленные с недостатком прибора, шурупов и другими в ложах повреждениями; мушкатант, годный к употреблению 1; сабель в железных ножнах 14 и в медных 2, заржавленные и к употреблению без починки неспособные 16; кос несколько заржавленных 79; пик заржавленных 76.

В Балахне: пик находятся в прочности 286; кос 309; негодных к употреблению: пик 1030, кос 450; сабель с ножнами 5; сабель без ножен 25; палашей 7; тесаков 6; шпаг и полевых ножей 8.

В Горбатове: сабель 731; пик 1180; портупей через плечо черной кожи, в том числе съеденных мышами – 10 350; пушек чугунных 16; мушкатантов 3; пистолетов 8; тесаков 7; шпаг 5; ружей 420» [51, с. 62–66].

По итогам обследования arsenалов выяснилось, по рапортам проверяющих лиц, что значительное количество ранее заготовленного в 1806 г. вооружения пришло, в силу различных причин, в негодность, было «к употреблению нимало неспособно» и требовало «исправления», что и было, в итоге, сделано в 1812 г. при сборе нового ополчения [52, с. 75–79].

Формирование батальона стрелков милиции

7 марта 1807 г. последовал указ императора об отборе из числа милицейских ратников тех, кто умеет хорошо обращаться с огнестрельным оружием, и формировании в 18 губерниях России стрелковых батальонов из четырех рот, которые направлялись в определенные указом местности [38, с. 1039–1040]. На имя гражданского губернатора поступило «Примерное положение для батальона стрелков милиции из четырех рот состоящего», в котором были расписаны штаты батальона численностью 680 военнослужащих, из которых 600 составляли рядовые ратники. Согласно штатному расписанию, начальник батальона назначался из тысячных или пятисотенных ополченских чинов. Предполагалось наличие пяти сотенных начальников, 14 начальников пятидесятных

(один из которых исполнял обязанности квартирмейстера и казначея, а другой – обязанности адъютанта) [47, л. 124]. Унтер-офицерский состав батальона включал в себя 28 человек: 4 старших унтер-офицера и 24 младших, из которых в должностях каптенармусов состояли 4 человека [47, л. 124об]. В каждой роте «четырехротного батальона» наличествовало по 150 рядовых; в батальоне имелось 5 барабанщиков (1 батальонный и 4 ротных); среди нестроевых медицинских служителей насчитывалось по 1 лекарю, фельдшеру, вагенмейстеру, «надзирателю больных» и 4 санитаря («лазаретных служителя»); нестроевых же служащих прочих специальностей было: 1 батальонный писарь, 1 писарь «квартирмейстерский и казначейский», 1 ложник, 1 помощник ложника, 1 слесарь, 1 помощник слесаря, 1 кузнец, 1 помощник кузнеца, 1 плотник, 1 помощник плотника, 7 фурлейтов (возниц. – Д.Н.) и 1 профос⁶ [47, л. 124об].

В состав имущества обоза батальона входили 15 лошадей (8 – для перевозки на колесах патронных ящиков; 7 – к прочим повозкам); 4 колесных патронных ящика, повозки: «казначейская», медико-санитарная, а также «для инструментов и письменных дел» [47, л. 124об]. На покупку лошадей, «как обоз готов будет», командиру батальона отпускал средства начальник губернской милиции [47, л. 125].

Название новообразованному батальону было предписано иметь по названию губернии, «из коих они наряжены» («например, батальон стрелков московской милиции, батальон стрелков черниговской милиции и проч.» [47, л. 124об]), и новый батальон получил наименование «батальона стрелков нижегородской милиции» с соответствующими окладами жалованья всем его должностным лицам [47, л. 124об] и провиантским обеспечением «против солдатских дач, а фураж для лошадей в положенное время из провиантского ведомства на счет той же, собранной для милиции, суммы» [47, л. 124об]. За счет той же суммы должны были приобретаться и некоторые предметы вооружения и амуниции, «также кивера, шинели, кафтаны», а для нестроевых – сюртуки, панталоны, сапоги, рубашечный холст, галстуки; шанцевый и слесарно-плотничный инструмент; кремни, патронная бумага «по штатам егерских полков ... и для письменных дел по 75 рублей в год из комиссариата» [47, л. 125]. Порох и свинец для батальона поступал от Артиллерийского депо. «Мастеровых в батальоны определить знающих положенное ремесло, также и фурлейтов из записанных в милицию людей» [47, л. 125].

Известно, что среди прочих ратников в батальоне значились 96 «стрелков» Горбатовского

уезда [47, л. 15] и 29 человек «Ардатовской округи» [47, л. 149]; также есть сведения об одном добровольце, изъявившем желание вступить в стрелковый батальон – «Ельнинской волости деревни Апалиха (Опалиха – Д.Н.) экономическом крестьянине Иване Игнатеве Сонцове» [47, л. 16].

Нижегородский батальон (окончательно сформированный 28 марта), командиром которого был назначен майор Е.С. Бабушкин, в составе сводного отряда таких же «именных» (по названиям губерний) батальонов VII областного войска был определен для командирования в Смоленскую губернию, ближе к местам возможных боевых действий. Командирами рот в батальоне были назначены капитан И.Д. Кольчугин, штабс-капитан Я.Ф. Хоботов, гвардии поручик И.И. Пахомов, титулярный советник А.С. Климов [34, с. 73]. Пятидесятными начальниками в батальоне состояли: поручик П.А. Плешивцов, князь Ф.С. Дивеев, губернские секретари Ф.С. Кастальский, П.Н. Стрюков, С.П. Сергеев, подпоручики Н.И. Столица, Д.А. Бухвостов, И.Т. Киселев, прапорщик Я.Ф. Кузнецов, чиновники 14-го класса И.М. Корсаков, А.В. Бурдин, М.С. Рубанов (квартирмейстер и казначей) [53].

Организация подвижной служащей милиции

Именной императорский указ от 15 марта 1807 года «О составлении подвижного земского войска из третьей части существующей ныне милиции» из числа каждого земского ополчения образовывал организованную побатальонно «подвижную или служащую милицию»⁷. Согласно указу, предписывалось «Из числа людей, ныне в милицию вписанных, оставить действительными ратниками одну третью часть, расположив оную соразмерно числу ревизских в каждой Губернии душ, и полагая по сему уравнительному расчислению с 57 душ по одному ратнику, по прилагаемому при сем подробному росписанию» [39, с. 1050]. По новому «указному» росписанию, личный состав теперь уже «настоящей», а не «списочной» нижегородской подвижной милиции был определен в 7227 ратников, военное обучение которых должны были осуществлять опытные унтер-офицеры и солдаты из числа отставных ветеранов⁸. Начальствующий состав милиции был также сформирован из тысячных, пятисотенных, сотенных и пятидесятных командиров из числа офицеров первого набора ополчения. В ратники, в отличие от первоначального набора, принимали уже «не взирая на рост»⁹, но точно так же освобождали от подушных и оброчных платежей и выплачивали жалованье «из 3-х рублевой суммы»¹⁰.

С начала апреля 1807 г. из уездов Нижегородской губернии начали присылать первые сведения о предварительных результатах набора ратников в «новую» милицию: горбатовский предводитель дворянства доложил, что «во обще (т.е. совместно. – Д.Н.) с начальником уездной милиции Н.И. Бычковым «с 20-го числа апреля в подвижную милицию ратники числом 459 человек ... из города Горбатова отправлены от него с чиновниками (офицерами ополчения – Д.Н.) в город Нижний Новгород для поступления там в 1-е отделение» [47, л. 15]; княгининский предводитель Калугин сообщил о «поступлении» 500 ратников [47, л. 59], к маю их стало 562 [47, л. 80]; в Васильском уезде к началу мая было собрано 540 чел., в числе которых оказался ранее скрывавшийся от призыва в ополчение крестьянин [47, л. 110об]. Макарьевский предводитель Стремоухов, докладывая о зачисленных 410 ратниках, в то же время посетовал, что найти людей «указного роста» стало труднее, поскольку многие из таковых, вероятно, сообразно здоровью и трудовым навыкам, ранее «были отпущены с пашпортами на промыслы» [47, л. 72]. Как следствие меняющейся обстановки и условий приема ратников периодически возникали конфликты уездных властей и предводителей дворянства с уездными начальниками милиции. Сергачский уездный предводитель Приклонский в рапорте губернатору указал, что «ныне господин уездный начальник милиции генерал-майор Соловцов осматривает всех ратников на праве рекрутского набора»¹¹ и просил того вмешаться; всего же по Сергачскому уезду «принято было ... по 4 мая только 678 человек ... еще в недоборе (числятся. – Д.Н.) 25 человек, которых он (Соловцов. – Д.Н.) помянутого числа препоручив от себя добирать пятидесятому начальнику милиции Титову, сам отправился в вотчину свою», т.е. покинул службу, по мнению Приклонского, ввиду неуважительных или не указанных причин, почему тот «прием оставшихся ... ратников покончил совершенно» [47, л. 40]. «Пример» Соловцова оказался «заразительным»: приказав Титову отправить новонабранных ратников по назначению, Приклонский «в ответ» также отправился в свою вотчину [47, л. 41–41об]; все же, несмотря на начальственную «фронду», прием ратников удалось успешно завершить.

По подведении предварительных итогов набора, вновь стали возникать конфликтные ситуации, связанные с местными особенностями добровольного материального вознаграждения ратников. Семеновский земский исправник доложил, что «удельного ведомства ... крестьянин Гаврила Максимов, изъясняя, что выбран

он того участка ... крестьянами для отдачи в милицию ратников» [47, л. 43], но не получил ожидаемых им, по давней сложившейся традиции, дополнительных денежных сумм от односельчан и обратился с жалобой к исправнику. Губернатор же разъяснил всем земским исправникам в уездах и представителям удельного ведомства, что «награждение ратников деньгами зависит единственно от доброй воли мирских обществ, требовать же оно вопреки общего на то согласия они (ратники. – Д.Н.) не имеют права» [47, л. 44]. В процессе набора ратников были выявлены недостатки в учете количества и мест нахождения как вотчин, так и «владеемых душ» [47, л. 101] и были составлены новые ведомости по текущему приему в милицию помещичьих крестьян «сколько действительно следует с помещичьих имений поступить в служащую милицию ратников в каждом уезде Нижегородской губернии» [47, л. 101об]: Нижегородский уезд – 664 чел.; Горбатовский – 526; Арзамасский – 613; Ардатовский – 544; Лукояновский – 532; Сергачский – 522; Княгининский – 556; Васильский – 349; Макарьевский – 378; Балахнинский – 416; Семеновский – 222. «Итого со всех уездов губернии» (принято, вероятно, к середине мая. – Д.Н.) 5328 чел. [47, л. 101об].

Как уже упоминалось, перепиской разных должностных лиц с «Комитетом по делам милиции» были установлены требования к ратникам, определяемым в земскую милицию: «не ниже 2 аршина и 2 вершка», «совершенно здоровых, немалорослых, неувечных и нестарых до 40 лет», «способных к службе и поднятию оружия». Но были зафиксированы случаи, когда некоторые помещики пытались сдать в земскую милицию больных и «неспособных к фрунтовой службе» крестьян. Предводитель дворянства Нижегородского уезда П.А. Ленивец, очевидно, для наглядной иллюстрации положения дел, представил Руновскому «Ведомость значущимся по приемным росписям кто за чем в милицию были неописаны» [49, л. 79], где значились некоторые поставленные помещиками (а именно «господином Чихачевым и князем Грузинским» [49, л. 79]), но «неописанные» при приеме в милицию крестьяне, имеющие серьезные физические недостатки. Во-первых, многие из них (П. Ефимов и А. Михайлов) были значительно старше «указного возраста» [49, л. 79]; некоторые (П. Михайлов, тот же П. Ефимов, М. Семенов, П. Иванов) страдали от последствий как тяжелых физических травм («левая рука и нога переломлены», «правая рука в локте переломлена» [49, л. 79]), так и прочих недугов, препятствующих нормальному несению службы («на правой ноге из давних лет раны», «на правой

руке указательный палец не владеет» [49, л. 79]). Наконец, совсем уж вопиющим прецедентом в кампании поставки ратников стало представление в ополчение крестьян О. Васильева и А. Михайлова (тех же господ-вотчинников), один из которых был совершенно слеп (!), а другой «слеп правым глазом, а левым худо видит» [49, л. 79]. Весьма распространенной среди ратников в губернии в целом была и «грыжная болезнь» [47, л. 50]. Эти потенциальные воины весьма сомнительных физических кондиций были П.А. Ленивцевым «за болезнями и неспособностями ... бракованы» и «представлены к перемене» [49, л. 79] (замене другими. – Д.Н.). И если вопрос о возрасте призываемых на службу был скорректирован «Высочайшим повелением», согласно которому возрастные границы увеличились с 17 до 50 лет [49, л. 99], то вопрос о перечне болезней, которыми потенциальные ратники «могли быть одержимы» всегда оставался открытым и решался на уровне субъективного индивидуального рассмотрения. Действия уездных начальников милиции по более строгому отбору ратников часто вызывали недовольство владельцев крестьян и жалобы с их стороны в вышестоящие инстанции.

Следует отметить, что, помимо случаев сдачи в милицию явно нездоровых людей, нередки были, уже со стороны призывного контингента, и случаи симуляции несуществующих болезней, искусственно вызываемых недугов, как-то: «некоторые натерли глаза, от чего оные покраснели», «на теле чесотку ... избегая приему в ратники, расчесали до крови» [47, л. 4].

Учитывая сложный и во-многом конфликтный характер сбора ополчения, Белавин неоднократно командировал своего адъютанта, коллежского асессора Мартоса, для более объективного контроля за процессом набора ратников.

Следует упомянуть и о коррупционной составляющей процесса набора ратников, что было вполне естественным явлением, поскольку очень многие потенциальные милиционеры отнюдь не горели желанием служить и были готовы «внести толику» за принятие соответствующего решения. По выявленным данным, взятки предлагались как начальникам уездных милиций, так и должностным лицам более низкого уровня. Так, начальник ардаатовской милиции в отношении к местному уездному предводителю дворянства Прокудину препроводил к тому для разбирательства «Ардаатовской округи ... старосту Никифора Осипова и крестьян Степана Титова, Онисима Михайлова и Федора Андреева» с находящейся при них денежной суммой в 50 руб., «которые были приносимы к нему, Бабушкину, теми крестьянами в дар, а за что, он,

господин Бабушкин, не знает» [47, л. 78]; крестьян же, по инстанции, направили «с теми деньгами» в уездный земский суд для выяснения дальнейших обстоятельств. Некоторое время под подозрением в коррупции (но в итоге безосновательно) находился и начальник васьиловской уездной милиции Ульянин [49, л. 44–44об].

Семеновский уездный земский суд сообщил, в свою очередь, о подробном разбирательстве другого коррупционного дела, также связанного с группой лиц, принимаемых в милицию. Во время пресловутого приема ратники «экономической Богоявленской волости» крестьяне Е. Карпов, Е. Яковлев, Л. Максимов, Я. Максимов, Е. Дмитриев заявили, что их волостной голова Трифон Афанасьев, обещая освобождение от службы, брал с некоторых из них за это деньги, «почему я (т.е. земский исправник. – Д.Н.) голову Афанасьева, писаря Булатова и помянутых крестьян для надлежащего исследования и препроводил в сей суд» [49, л. 18]. В ходе допросов Е. Карпов и Е. Яковлев дали показания, что им «крестьянина Ивана Ларионова сын Павел говорил, что с отца его за освобождение от милиции ... взял волостной голова Афанасьев тридцать рублей» [49, л. 18]. Схожие показания дали крестьяне Емельян Дмитриев и Андрей Федотов [49, л. 18об]. Все допрошенные утверждали, «что при даче ими голове (и) писарю сказанных денег из посторонних никого не было и об оном никто не знает» [49, л. 18об], что послужило главным оправдательным доводом для очевидно подозреваемых, сразу заявивших о своей невинности [49, л. 18об]. Для разбирательства по этому делу на место происшествия были командированы земский исправник с уездным стряпчим, которые, по завершении разбора обстоятельств этого непростого дела, доставили в нижний земский суд вполне «репрезентативную выборку» показаний 69 (!) ратников, зачисленных в милицию с данной волости и «порознь спрашиваемых ... кои ми они показали, что волостной их голова Трифон Афанасьев и писарь Булатов с них во время назначения их ко отправлению службы милицейской притеснений, а также за освобождение никаких поборов не требовали, ими же даваемо ничего не было, а равно и (брали ли. – Д.Н.) голова с писарем с кого за освобождение от милиции деньгами, или чем-либо другим, они не знают и ни от кого о том не слышали» [49, л. 19]. По итогам расследования было определено, что хотя «от тех крестьян, кроме одних только собственных их ... показаний, других доказательств не представлено, но за всем тем все об оном производство к рассмотрению законному положению препроводить в здешний уездный

земский суд» [49, л. 19об]. Окончательных результатов расследования этого коррупционного дела выявить не удалось.

В отличие от ратников первоначального набора земского войска, оставшихся в крестьянской повседневной одежде, подвижную земскую милицию было решено обмундировать уже «по-настоящему». Согласно предписанию главнокомандующего VII областью в отношении обмундирования ратников, для этой цели «на счет общих сумм милиционных», выделенных местной казенной палатой, приобретались партии сукон серого, или синего доминирующего цветов, с возможными вариантами защитных расцветок «какие где достать можно». Известно и о затруднениях, встретившихся в процессе закупки сукон ввиду невозможности быстрого изготовления нужного количества требуемого товара [47, л. 119об]. Для рядовых ратников из крестьян или мещан «устанавливались» кафтаны, панталоны и шинели из «указного» сукна «с малиновым воротником и по краям таковою выпушкой» [47, л. 122об], рубашки, черного цвета кивера с кокардой, ранцы и кожаные подсумки на ремне. Комплекты обмундирования приобретались по оптовым ценам, назначенным для приобретения обмундирования егерским полкам [47, л. 122об]. Вопрос об обмундировании ратников, по имеющимся на этот счет данным, до конца не выяснен, но известно, что, когда ополчение пополняли «доимочными» людьми в количестве 58 человек, в Нижнем Новгороде, в силу многих причин, по донесению полицмейстера Булыгина, желающих «поставить им вещей из жителей никого не оказалось» [47, л. 144].

Примечания

1. К сожалению, ввиду того что основная часть делопроизводственных материалов той эпохи (и в частности протоколов заседания дворянских собраний по избранию офицерского состава ополчения), не сохранилась, мы можем назвать, в контексте повествования, лишь ограниченное число фамилий из числа лиц командного состава нижегородской милиции.

2. Как правило, ратники получали гораздо большую сумму денег, нежели «указную», поскольку сельские общества (удельных и экономических крестьян) старались дополнительно вознаградить земляков, уходящих на военную службу, и многие «вотчиноначальники», следуя этой (рекрутской) неформальной традиции, давали ратникам своих вотчин гораздо большие суммы.

3. Имеется в виду, что в данной ситуации (набора ратников в милицию) отсутствовала необходимость сильного психологического воздействия на крестьян, поскольку требования властей в основном выполнялись.

4. Данные приводятся в авторском варианте на основании [49, л. 25].

5. Документов по этому поводу не имеется, но известно, что, например, в 1812 г. оружейные мастерские города Павлова отремонтировали и изготовили многие тысячи единиц огнестрельного и холодного оружия. Совершенно очевидно, что производственная база для подобных масштабных работ была подготовлена задолго до 1812 г. и, что вполне вероятно, использовалась и в 1806–1807 гг. [54, с. 58–62].

6. Профос – должностное лицо из нижних чинов, следящее за чистотой и порядком в жилых помещениях и отхожих местах. Мог выполнять и другие дополнительные функции: надзор за арестантами, исполнение наказаний и пр.

7. Изменилась ситуация и на фронте: в зимних сражениях при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, когда неприятель «сильно поражен был победоносным Нашим оружием» и «не представляется уже нужным содержать в готовности всё количество существующего ныне земского ополчения» [39, с. 1047], Александр I «желая, сколь можно облегчить подданных Наших в сей повинности, признали за благо из ополчения сего оставить только третью часть в действии» [39, с. 1047].

8. Подобный опыт найма (за плату) отставных солдат для обучения новобранцев, призванных в ополчение, стал обычной практикой для всего последующего времени существования ополчений.

9. Несколько позднее это правило было скорректировано следующим образом: ростовые параметры «2 аршина 2 вершка» были оставлены в качестве «базовых», но дополнены следующими пояснениями, как, например, в отношении Белавина к Руновскому: «если из принятых уже ратников которые окажутся ниже 2-х аршинов 2-х вершков, но они сами молодые и потому должно надеяться, что они подрастут, то таковых оставить в милиции для помещения в барабанщики, или нестроевые, а старых ... по коим нельзя надеяться, что они подрастут, обратит в земский суд для их замены другими» [47, л. 49].

10. Имеется в виду, что пресловутая «3-х рублевая сумма» составляла ратническое денежное довольствие, выданное, как и провиант, на 3 месяца. Т.е. ежемесячное жалованье составляло 1 руб.

11. Иными словами, Соловцов «определял» ратников к службе самостоятельно, без участия в этом процессе, как было предписано, уездного предводителя дворянства.

Список литературы

1. Государственное ополчение. Исторический очерк. С приложением: Положения о государственном ополчении, правил, инструкций и форм до организации ополчения и порядка призыва на службу ратников относящихся / Сост. Генерального Штаба полковник Я. Преженцов. СПб.: Склад у В.А. Березовского, 1889. 180 с.

2. Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806–1807 гг. СПб.: Изд-во Отдельного корпуса внутренней стражи, 1846. 426 с.

3. Щепетильников В. Комплектование войск в царствование императора Александра I. Столетие военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Т. 4. Кн. 1. СПб.: Изд-во П.Ф. Пантелеева, 1902. 1480 с.
4. Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб.: Изд-во Императорской Николаевской Военной Академии Генерального Штаба, 1900. 263 с.
5. Петров Ф.В. Государственное ополчение. Исторический очерк и сравнительное исследование действующего положения о государственном ополчении по русскому и иностранным законодательствам. СПб.: Изд-во типолитографии А.Е. Ландау, 1901. 196 с.
6. Ливчак Б.Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России. Свердловск: [б.и.], 1961. 277 с.
7. Ливчак Б.Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России 1806–1856 гг. // Ученые труды Свердловского юридического института. Серия: История государства и права. 1961. Т. 4. С. 270–275.
8. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
9. Корнилов В.А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2008. № 1 (22). С. 8–24.
10. Корнилов В.А. Эволюция военной службы в России в XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2003. № 7. С. 2–12.
11. Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // История СССР. 1987. № 4. С. 131–132.
12. Безотосный В.М. Наполеоновские войны (Россия в великих войнах). М.: Вече, 2010. 383 с.
13. Акуленко В.П. Реформирование российской армии в конце XVIII – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 15–21.
14. Таннберг Т.А. Комплектование российской армии в первой половине XIX в. // Французский ежегодник. 2012. Т. 44. С. 148–173.
15. Таннберг Т.А. Комплектование российской армии в первой половине XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 4 (12). С. 7–8.
16. Окунев С.Ю. Государственное ополчение в России в XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 16 с.
17. Шовунов К.П. Калмыки в системе военной организации России в первой четверти XIX в. и калмыцкое ополчение 1806–1807 гг. // Труды молодых ученых Калмыкии. Серия: История и филология / Ред. коллегия: П.Ц. Биткеев, А.Ш. Кичиков, М.Л. Кичиков, Ю.О. Оглаев, И.И. Орехов, Б.Б. Уластаева, З.Б. Улюмджиева. 1973. С. 284–299.
18. Мацакова В.М. Участие калмыков в войнах России в начале XIX века // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 3 (16). С. 102–105.
19. Очиров А.В. Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX вв.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9 (113). С. 333–338.
20. Титов В.В. Отечественная историография участия башкирских воинских формирований в составе русской армии в наполеоновских войнах (1806 – 1814 гг.) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 1. С. 5–18.
21. Асфатуллин С. Башкиры в первых «неизвестных» войнах с Наполеоном 1805, 1806–1807 гг. // Ватандаш. 2016. № 12 (242). С. 74–97.
22. Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 5 (116). С. 28–38.
23. Тептеев А.Г. Участие казаков нагайбацкой станицы в Отечественной войне 1812 года и в зарубежных походах русской армии 1813–1814 годов // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1 (1). С. 109–115.
24. Таннберг Т.А. Ополчение 1806–1807 гг. в Эстляндской и Лифляндской губерниях. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_868868/ (дата обращения: 15.05.2020).
25. Шамрина Е.А. Создание милиции (внутренних войск или ополчения) в Воронежской губернии 1806–1807 гг. // В мире научных открытий. 2015. № 5–5 (65). С. 1968–1978.
26. Демидов С.Р. Из истории воронежского ополчения в период борьбы с Наполеоном // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2012. № 4 (15). С. 9–11.
27. Цеглеев Э.А. Земское войско России 1806–1807 гг. // Политика, государство и право. 2014. № 3 (27). С. 11.
28. Цеглеев Э.А. Расформирование земского войска Вятской губернии // Политика, государство и право. 2014. № 3 (27). С. 13.
29. Цеглеев Э.А. Материальное обеспечение земского войска 1807 г. // Актуальные вопросы экономической науки: Материалы Международной научно-практической конференции: сборник научных трудов. Киров: Вятская государственная сельскохозяйственная академия, 2011. С. 246–247.
30. Хомяков М.А. Земское войско Вятской губернии 1806–1814 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 3 (55). С. 41–47.
31. Селякова Д.С. Вятское земское войско 1806–1814 гг. // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2. С. 247–259.
32. Першин С.В. К вопросу о роли дворянских обществ в организации ополчений в период военных кампаний начала XIX столетия и Отечественной войны 1812 г. // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2012. № 2. С. 80–87.
33. Першин С.В. «Отечеству служить обязаны?»: настроения средневоложских помещиков и их участие в формировании ополчений в первой половине XIX в. // Первая мировая война в истории российской нации: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию

начала Первой мировой войны / Под общ. ред. О.А. Суховой, О.В. Ягова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 102–104.

34. Лушин А.Н. Нижегородская земская милиция в период русско-французской войны 1805–1807 годов // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. 2016. Вып. 47–48. С. 70–74.

35. Хохлова О.В. Государственное ополчение 1806–1807 гг. в официальных документах начала XIX в. // История в подробностях. 2012. № 5 (23). С. 14–17.

36. О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ). Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830.

37. Высочайшая Инструкция Главнокомандующим Земским войском // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830.

38. О выборе стрелков из милиции // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830.

39. О составлении подвижного земского войска из третьей части, существующей ныне милиции // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830.

40. О непринимании студентов и людей Духовного звания в областные милиции, без предварительного с Духовным Начальством сношения // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830.

41. О прекращении существования Земского войска, и о обращении ратников в первобытное состояние // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830.

42. Наставление Государственной Военной Коллегии Военным приемщикам, назначаемым к разбору в Губерниях Милиционных ратников, кои на основании Высочайшего Манифеста, 27 Сентября 1807 года изданного, помещиками, мещанскими обществами и селениями для службы оставлены будут // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. СПб., 1830.

43. Николаев Д.А. Основные разновидности источников по истории продовольственно-вещевого

обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. В.В. Карпова. 2020. С. 75–77.

44. Николаев Д.А. Комплекс документов по вопросам продовольственно-вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Четвертой международной научной конференции / Ред.-сост. А.И. Раздорский; редкол. В.Н. Беляева [и др.]. 2018. С. 345–349.

45. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 5. Оп. 41. Д. 205.

46. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г., Д. 536.

47. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 59.

48. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 56.

49. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 57.

50. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г., Д. 325.

51. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сборник документов / Сост. Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. 360 с.

52. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 2. С. 75–79.

53. Алухтин В.Р. Нижегородское Дворянское Ополчение 1812–1814 гг.: М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/1812militia/nn1812-05.htm> (дата обращения: 17.12.2020).

54. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 58–62.

**NIZHNY NOVGOROD MILITIA 1806–1807:
ORGANIZATION, ARMAMENT, MAINTENANCE AND DISSOLUTION
(BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL ARCHIVE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)
Part 1**

D.A. Nikolaev

The article deals with the formation of the Nizhny Novgorod militia in 1806–1807. The nature and features of the organizational process of collecting the militia are analyzed. The process of arming the militia is characterized. On the base of sources from the funds of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region, the features and forms of organizational changes in the structure of the militia in 1806–1807 are identified and characterized.

Keywords: Nizhny Novgorod province, Nizhny Novgorod militia 1806–1807, zemstvo militia, Napoleonic Wars, officers, military and civil ranks, provision, donations.

References

1. The state militia. Historical essay. With the appendix: Regulations on the state militia, rules, instructions and forms before the organization of the militia and the procedure for conscription of soldiers related / Comp. General Staff Colonel Ya. Prezhentsov. SPb.: Warehouse at V.A. Berezovsky, 1889. 180 p.

2. Mikhailovsky-Danilevsky A.I. Description of the second war of Emperor Alexander with Napoleon in 1806–1807. St. Petersburg: Publishing House of the Separate Internal Guard Corps, 1846. 426 p.

3. Shchepetilnikov V. Recruitment of troops in the reign of Emperor Alexander I. Centenary of the War Ministry 1802–1902. The main headquarters. Historical essay. Vol. 4. Book 1. St. Petersburg: Publishing house

of P.F. Panteleev, 1902. 1480 p.

4. Rediger A. Acquisition and arrangement of military force. St. Petersburg: Publishing House of the Imperial Nikolayev Military Academy of the General Staff, 1900. 263 p.

5. Petrov F.V. State militia. An historical essay and a comparative study of the current regulations on state education in Russian and foreign legislation. St. Petersburg: Publishing House of Typolithography A.E. Landau, 1901. 196 p.

6. Livchak B.F. People's militia in the armed forces of Russia. Sverdlovsk: [B.I.], 1961. 277 p.

7. Livchak B.F. People's militia in the armed forces of Russia 1806–1856 // Scientific works of the Sverdlovsk Law Institute. Series: History of State and Law. 1961. Vol. 4. P. 270–275.

8. Beskrovnyj L.G. Russian army and navy in the XIX century. M.: Science, 1973. 616 p.

9. Kornilov V.A. Conscription and the internal state of the Russian army in the first half of the XIX century // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2008. № 1 (22). P. 8–24.

10. Kornilov V.A. Evolution of military service in Russia in the XIX century: from the recruitment system to universal military service // Teaching history and social studies at school. 2003. № 7. P. 2–12.

11. Shvedov S.V. Recruitment, number and losses of the Russian army in 1812 // History of the USSR. 1987. № 4. P. 131–132.

12. Bezotosny V.M. Napoleonic Wars (Russia in the Great Wars). M.: Veche, 2010. 383 p.

13. Akulenko V.P. Reforming of the Russian army at the end of the XVIII – beginning of the XIX century // Military History magazine. 2009. № 2. P. 15–21.

14. Tannberg T.A. Recruitment of the Russian army in the first half of the XIX century // French Yearbook. 2012. Vol. 44. P. 148–173.

15. Tannberg T.A. Recruitment of the Russian army in the first half of the XIX century. // Electronic scientific and educational journal «History». 2012. № 4 (12). P. 7–8.

16. Okunev S.Yu. State militia in Russia in the XIX – early XX centuries.: Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. SPb., 2005. 16 p.

17. Shovunov K.P. Kalmyks in the system of military organization of Russia in the first quarter of the XIX century. and the Kalmyk militia of 1806–1807 // Proceedings of young scientists of Kalmykia. Series: History and Philology / Editorial Board: P.Ts. Bitkeev, A.Sh. Kichikov, M.L. Kichikov, Yu.O. Oglaev, I.I. Orekhov, B.B. Ulastaeva, Z.B. Ulumdjeva. 1973. P. 284–299.

18. Matsakova V.M. Participation of Kalmyks in the wars of Russia at the beginning of the XIX century // Humanitarian problems of military affairs. 2018. № 3 (16). P. 102–105.

19. Ochirov A.V. Participation of Kalmyks in the wars of Russia (the first third of the XVIII – early XIX centuries) // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2012. № 9 (113). P. 333–338.

20. Titov V.V. Domestic historiography of the participation of Bashkir military formations in the Russian army in the Napoleonic Wars (1806 – 1814) // Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named

after M.A. Sholokhov. History and political science. 2012. № 1. P. 5–18.

21. Asfatullin S. Bashkirs in the first «unknown» wars with Napoleon in 1805, 1806–1807 // Vatandash. 2016. № 12 (242). P. 74–97.

22. Kuznetsov V.A. Participation of Bashkirs and Mescheryaks in the wars with Napoleonic France // Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology. 2008. № 5 (116). P. 28–38.

23. Tepteev A.G. Participation of the Cossacks of the Nagaiatskaya stanitsa in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814 // Law and order: history, theory, practice. 2013. № 1 (1). P. 109–115.

24. Tannberg T.A. The militia of 1806–1807 in the Estland and Livonia provinces. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_868868 (Date of access: 05.15.2020).

25. Shamrina E.A. Creation of militia (internal troops or militia) in the Voronezh province 1806–1807 // In the world of scientific discoveries. 2015. № 5-5 (65). P. 1968–1978.

26. Demidov S.R. From the history of the Voronezh militia during the struggle against Napoleon // Bereginya. 777. Owl: Society. Politics. Economy. 2012. № 4 (15). P. 9–11.

27. Tsegleev E.A. Zemstvo army of Russia 1806–1807. // Politics, state and law. 2014. № 3 (27). P. 11.

28. Tsegleev E.A. Disbandment of the zemstvo army of the Vyatka province // Politics, state and law. 2014. № 3 (27). P. 13.

29. Tsegleev E.A. Material support of the land army of 1807 // Actual issues of economic science: Materials of the International scientific and practical conference: collection of scientific papers. Kirov: Vyatka State Agricultural Academy, 2011. P. 246–247.

30. Khomyakov M.A. Zemstvo army of Vyatka province 1806–1814 // Humanitarian scientific research. 2016. № 3 (55). P. 41–47.

31. Selyakova D.S. Vyatka Zemstvo army 1806–1814 // Modern scientific research and innovation. 2017. № 2. P. 247–259.

32. Pershin S.V. On the question of the role of noble societies in the organization of militias during the military campaigns of the beginning of the XIX century and the Patriotic War of 1812 // Bulletin of the Cheboksary branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 2012. № 2. P. 80–87.

33. Pershin S.V. «Are you obliged to serve the Fatherland?»: the sentiments of the Middle Volga landowners and their participation in the formation of militias in the first half of the XIX century. // World War I in the history of the Russian nation: A collection of scientific articles of the International scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the First World War / Under the general ed. O.A. Sukhova, O.V. Yagov. Penza: Publishing House of PSU, 2014. P. 102–104.

34. Lushin A.N. Nizhny Novgorod Zemstvo militia during the Russian-French war of 1805–1807 // Nizhny Novgorod Antiquity. Local history and historical publication. 2016. Issue 47–48. P. 70–74.

35. Khokhlova O.V. The State militia of 1806–1807 in official documents of the beginning of the XIX century // *History in detail*. 2012. № 5 (23). P. 14–17.
36. On the compilation and formation of ubiquitous temporary militias or militia // *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649 (PSZRI)*. The first collection. Volume XXIX. 1806–1807. St. Petersburg., 1830.
37. The Highest Instruction of the Commander-in-Chief of the zemsky army // *PSZRI*. The first collection. Volume XXIX. 1806–1807. St. Petersburg., 1830.
38. On the choice of shooters from the militia // *PSZRI*. The first collection. Volume XXIX. 1806–1807. St. Petersburg, 1830.
39. On the composition of a mobile zemstvo army from the third part of the currently existing militia // *PSZRI*. The first collection. Volume XXIX. 1806–1807. St. Petersburg., 1830.
40. About the non-acceptance of students and people of Spiritual rank in the regional police, without prior communication with the Spiritual Authorities // *PSZRI*. The first collection. Volume XXIX. 1806–1807. St. Petersburg., 1830.
41. On the termination of the existence of the Zemstvo army, and on the conversion of warriors into a primitive state // *PSZRI*. The first collection. Volume XXIX. 1806–1807. St. Petersburg, 1830.
42. Instruction of the State Military Commission to Military receptionists appointed to the analysis in the Provinces of Militia warriors, who, on the basis of the Highest Manifesto, issued on September 27, 1807, landlords, petty-bourgeois societies and villages will be left for service // *PSZRI*. The first collection. Volume XXIX. 1806–1807. St. Petersburg, 1830.
43. Nikolaev D.A. The main types of sources on the history of food and clothing provision of the Nizhny Novgorod militia in 1812 // *Capital and provinces: the relationship of the center and regions in the history of Russia: Materials of the XI All-Russian Scientific Conference with international participation* / Ed. by V.V. Karpova. 2020. P. 75–77.
44. Nikolaev D.A. A set of documents on the issues of food and clothing provision of the Nizhny Novgorod militia in 1812 // *Trade, merchants and customs in Russia in the XVI–XIX centuries.: Collection of materials of the Fourth International Scientific Conference* / Ed.-comp. A.I. Razdorsky; editorial board. V.N. Belyaeva [and others]. 2018. P. 345–349.
45. Central archive of the Nizhny Novgorod region (TSANO). F. 5. Op. 41. D. 205.
46. TSANO. Coll. 5. Aids 41. 1807. Fol. 536.
47. TSANO. Coll. 2. Aids 4. Fol. 59.
48. TSANO. Coll. 2. Aids 4. Fol. 56.
49. TSANO. Coll. 2. Aids 4. Fol. 57.
50. TSANO. Coll. 5. Aids 41. 1807. Fol. 325.
51. Nizhny Novgorod province in the era of the Patriotic War of 1812: a collection of documents / Comp. E.E. Lebedeva, D.S. Mochalov, Ya.M. Khoroshkin. N. Novgorod: Committee for Archives of the Nizhny Novgorod region, 2012. 360 p.
52. Nikolaev D.A. How and with what the lower-city militia was armed in 1812 // *Military-historical journal*. 2019. № 2. P. 75–79.
53. Apukhtin V.R. Nizhny Novgorod Noble Militia of 1812–1814: M.: Partnership «Printing House of S.P. Yakovlev», 1912 [Electronic resource]. URL: <http://www.adjudant.ru/1812militia/nm1812-05.htm> (Date of access: 17.12.2020).
54. Nikolaev D.A. Some aspects of the development of military production of the Nizhny Novgorod province at the beginning of the XIX century (on the example of the armament of the Nizhny Novgorod militia of 1812) // *The military-industrial complex of Russia: historical experience and modern strategies: A collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. 2017. P. 58–62.